

С самого раннего детства Чу Лянь была одержима страстью классифицировать всех, с кем ей доводилось сталкиваться. Родителей и бабушку с дедушкой она относила к категории самых близких людей, а, скажем, хмурых учителей — к тем, кого лучше обходить стороной. Одноклассниц, с которыми дружила, она записывала в группу тех, с кем можно обсудить телесериалы и обменяться книжками. Это было время на рубеже тысячелетий, и Чу Лянь до сих пор помнит, как обожала популярную тогда Принцессу Жемчужину и сериал Новый храм Дракона с Ма Цзинтао в главной роли. Других же девчонок приходилось снисходительно определять в категорию тех, с кем просто ходишь вместе на перемену в туалет. Эти множества пересекались, объединялись, и для маленькой школьницы Чу Лянь все эти люди, будучи независимыми, переплетались друг с другом, словно маленькая социальная вселенная.

Возможно, это передалось ей от матери. Лишь повзрослев и поступив в университет, Чу Лянь осознала, что у матери, вероятно, было обсессивно-компульсивное расстройство: все вещи в доме должны были стоять строго по цветам или размерам. Увы, в те времена не было моды на организованное хранение, никто не слышал о минимализме, и комод из ивы был завален всякой всячиной — иголками, нитками, кастрюлями и поварешками.

Все это было лишь мимолетным бликом в ворохе детских воспоминаний Чу Лянь.

Но был еще один человек. Тот, кого нельзя было назвать девочкой, ведь она была старше, но и женщиной назвать ее было сложно — слишком молода.

В средней школе Чу Лянь познакомилась с понятием одноэлементного множества. Множество, состоящее из одного-единственного элемента. Например, ноль, который не является ни положительным, ни отрицательным числом, или единственное неиспорченное яблоко в куче гнилых в холодильнике. Да, именно таким одноэлементным множеством была эта женщина. Чу Лянь не могла отнести ее ни к подругам-сверстницам, ни к соседским девушкам, ни к случайным прохожим, мелькающим в жизни.

Ее звали Е Лицин, тогда ей было лет восемнадцать-девятнадцать. Как и остальные дети, Чу Лянь называла ее сестрицей Е, хотя знала, что фамилия у нее другая, да и настоящее имя, скорее всего, не Е Лицин.

Она была самой красивой девушкой, которую когда-либо видела Чу Лянь, краше всех актрис с телеэкрана. Порой Чу Лянь пыталась уловить в лицах артисток какие-то черты, напоминающие Е Лицин — то темперамент, то глаза, то нос, — но никто из них не мог сравниться с ней. Е Лицин в сознании Чу Лянь была уникальной, независимой, никем не заменимой и ни с кем не сравнимой.

Родители Чу Лянь работали на местном сталелитейном заводе, и девочка выросла в заводском городке. Е Лицин жила по соседству, переехав туда с отцом, когда Чу Лянь было десять, а до того дом пустовал. Ее отец был советским гражданином. После восстановления советско-китайских отношений в восьмидесятых он, как говорили, принял китайское гражданство и был нанят на завод в качестве научного сотрудника. До того как он поселился по соседству с семьей Чу Лянь, с юридической точки зрения к его гражданству не было никаких претензий.

В памяти Чу Лянь отец Е Лицин был высоким седовласым стариком, который безупречно говорил по-китайски. Если не считать глубоко посаженных глаз, в нем почти невозможно было признать славянина. Он носил застиранную заводскую робу, по утрам покупал на лотке жареное тесто и соевое молоко, приветливо и громко здоровался со знакомыми коллегами — самый обычный, неприметный человек. Рабочие звали его старик Е или инженер Е, а кто-то поговаривал, что его фамилия может быть Ельцин — в то время это был едва ли не самый известный советский или российский носитель фамилии на Е.

Как и отец, Е Лицин не слишком походила на славянку. Но она была прекрасна. Казалось, все элементы — ее лицо, глаза, похожие на глазурь, бледная кожа и черные как смоль волосы — достигали такой гармонии, что вопрос о национальности, гражданстве или о том, переживала ли она из-за распада Советского Союза в девяносто первом, становился совершенно неважным. В десятилетнем сердце Чу Лянь Е Лицин была эталоном красоты, лишенной всякой экзотики или мистики — просто чистое, совершенное воплощение красоты.

Отцу Е Лицин тогда было около шестидесяти, что для отца казалось многовато — он больше походил на дедушку или старшего дядю. О матери Е Лицин Чу Лянь не слышала никогда, вероятно, та давно скончалась.

Отец и дочь не любили общаться с людьми и были молчаливы. В те времена рабочие завода после смены любили собираться на ночном рынке, есть шашлыки и выпивать, а двадцатилетние девицы катались на задних сиденьях модных мотоциклов — пока их не запретили. Но Е Лицин с отцом никогда в подобных развлечениях не участвовали.

В девяностые годы сталелитейный завод все еще подчинялся министерству промышленности — приватизация началась лишь в двухтысячных. В ту эпоху завод процветал, при нем были своя начальная школа, больница, пищевой комбинат и социальные службы, а заработок рабочего был куда выше, чем у торговцев. Чу Лянь в детстве не знала, что такое голод или холод, и мальчик со спичками из учебника казался ей кем-то из далекого мира. Она зачитывалась серией Ужастики Р. Л. Стайна, любила журналы вроде Тайны и детскую литературу, мечтая, как и многие сверстники, стать ученым.

Детство всегда кажется таким прекрасным, настолько, что даже песня Детство Ло Даю превращается в суровую, лишенную прикрас реальность.

Е Лицин в то время, вероятно, тоже училась — судя по возрасту, в университете, но Чу Лянь так и не узнала, в каком именно. Домой она приходила раза два-три в неделю. Иногда Чу Лянь возвращалась из школы, и, поскольку родители были еще на работе, носила ключ на шее. Случалось, она видела Е Лицин в коридоре: та была в черном или темно-синем платье, с косой, перекинутой через плечо, и в руках держала квадратную кожаную сумку — позже Чу Лянь узнала, что это называется оксфордский портфель. Е Лицин опускала голову, разыскивая ключ.

Если она замечала Чу Лянь, то слегка улыбалась, поджимая губы, и кивала в знак приветствия. В этом не было той наигранной звездной харизмы, что у актрис с экрана — все было очень естественно. Затем она открывала дверь, заходила внутрь, и в тот момент, когда дверь

закрывалась, Чу Лянь успевала заглянуть в щель.

Был вечер, в квартире Е Лицин царил полумрак, но Чу Лянь словно увидела там множество людей — человек десять-пятнадцать, мужчин, женщин, стариков и детей. Они стояли в гостиной, как будто ожидая смотра, опустив головы, так что лиц было не разглядеть. Странно, но Чу Лянь ничуть не испугалась.

Тогда Чу Лянь было лет одиннадцать или двенадцать. В десять лет мир воспринимается совсем иначе, чем в двенадцать. В девяносто восьмом, когда вышел Титаник без купюр, родители повели ее в заводской клуб. Когда Джек пошел ко дну, мать рыдала, не переставая, а Чу Лянь, не понимая сюжета, просто просидела три часа в оцепенении. Но спустя годы, глядя, как герои сериалов целуются под проливным дождем, она уже чувствовала совсем другое.

Короче говоря, Чу Лянь поняла, что все вокруг, включая ее собственных родителей, почему-то боятся Е Лицин. Почему? Трудно сказать. Однажды мать Чу Лянь болтала с бабушкой, а Чу Лянь подслушивала из соседней комнаты. Мать рассказывала, что в три часа ночи, возвращаясь с ночной смены, видела, как Е Лицин бродит в одиночестве по пустырю за заводом. Там проходила железная дорога, а за ней начиналось кладбище. Ходили слухи, будто Е Лицин умеет вызывать мертвых. Конечно, и она, и ее отец это отрицали — все-таки отец был членом партии.

Да, именно из-за того, что Е Лицин могла бродить в три часа ночи у железной дороги или кладбища, и из-за того, что она якобы могла вернуть мертвецов — неважно, правда это или сплетни — Чу Лянь не могла отнести ее к категории просто соседской сестрицы или красивой девушки.

Е Лицин была сама по себе. В ее множестве был только один элемент, и она вызывала у Чу Лянь странные чувства, которые та не могла объяснить. Она была слишком мала.

Впрочем, с Е Лицин действительно случались странные вещи. Чу Лянь сама видела, как люди, у которых кто-то умер, перед похоронами украдкой, словно воры, стучались в дверь к Е Лицин. Чу Лянь знала, что дверь обычно открывал старик Е. Он очень вежливо говорил посетителям, что его дочери нет дома, нет, ее не будет долго, пожалуйста, больше не приходите, его дочь всего лишь студентка, она ничем не может помочь, примите извинения.

Десятилетняя Чу Лянь уже понимала, что такое жизнь и смерть. Когда в восемь лет умер ее дедушка, она осознала, что его пришлось переместить из одного множества в другое — множество, полное сожалений и скорби, которое становилось все больше. Потом время сгладило все острые углы. Но она не понимала, почему люди, у которых кто-то скончался, приходят к Е Лицин. Чу Лянь спросила об этом родителей и получила нагоняй.

Так продолжалось до шестого класса, пока не случилась история с Линь Мэйли.